

С. Ю. Белоруссова
**ФАКТОРЫ ПОГРАНИЧЬЯ
 В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ НАГАЙБАКОВ***

doi: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-112-119

УДК 39(943):94(470.56)

ББК 63.521(=63)

В условиях российской колонизации на пересечениях традиций и культур формировались новые сообщества, которые впоследствии образовали отдельные народы со своей территорией, традициями, реалиями и мифами. Нагайбакская крепость (Оренбургский край) во второй половине XVIII в. сыграла роль сборного пункта и крещения инородцев (татар, ногаев, башкир, черемисов) и чужеземцев — беглых пленников (арабов, турок, персов), принимавшихся на поселение или казацкую службу на степной границе Российской империи. Благодаря противостоянию с башкирами, казаки-новокрещены Нагайбакской крепости сплотились в боевое братство, ставшее ядром сообщества нагайбаков. Полиэтническая зона повлияла на формирование нагайбакского народа, который оказался адаптивен к разного рода изменениям. Состояние пограничья, которое сопровождало этническую историю нагайбаков, выработало у них свойство двойственности в этничности (мобильность—оседлость, открытость—закрытость, традиция—новация, дружелюбие—соперничество). В разные периоды истории нагайбаки «включали» эти свойства по отдельности или в сочетаниях. Акцент на закрытости («интровертность») дал им возможность сохранить свою культуру в советское время. В постсоветский период они, напротив, мобилизовали свою этничность через открытость («экстравертность»). Динамизм в этничности обусловил переход нагайбаков от странственной мобильности в прошлом к этнической активизации в современности. Находясь на перекрестке разных традиций — кочевой и оседлой, христианской и мусульманской, европейской и азиатской, — нагайбакская культура стала восприимчивой и адаптивной, а кочевое и пограничное казацкое социокультурное наследие послужило основанием мобильности и маневренности в действиях нагайбаков.

Ключевые слова: *пограничье, окраина, нагайбаки, Нагайбакская крепость, этничность, мобильность, оседлость, казачество, православие, традиция, новация*

Динамика этничности связана с освоением пространств, пересечением границ, преобразованием пограничья в трансграничье. По словам Ф. Ратцеля, «ни один народ не обитает сегодня на территории, где он возник, и не всегда на ней останется».¹ Ф. Барт показал, что в полиэтничных сообществах границы во многих случаях проницаемы и образуют пространство новых связей.² При этом «сохранность этнической группы зависит от устойчивости ее границы»,³ которая формируется через «си-

туации социальных контактов между людьми разных культур».⁴

Э. Лид полагал, что «границы создает тот, кто их пересекает»,⁵ и людям пограничья свойственна особенная культура со специфическим восприятием мира. Границу всегда отличала подвижность, поэтому Э. Лид сравнил ее с понятием «путь» (*path*), а окраинные земли обозначил как «мир со своей собственной логикой, очередностью, свободами и ограничениями, а не просто с границей между внутренним и внешним пространством».⁶

Трансграничье сыграло ключевую роль в российской истории, поскольку «Россия есть государство пограничное, есть европейская окраина, или Украина со стороны Азии».⁷ Российская практика освоения пограничья (или окраины) имела существенные отличия от западного опыта фронтальной колонизации.

¹ Ratzel F. Anthropogeographie. T. I. Stuttgart, 1882. S. 49.

² См.: Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference. Bergen; London, 1969. P. 20–24.

³ Ibid.

Белоруссова Светлана Юрьевна — к.и.н., н.с. отдела этнографии Центральной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
 E-mail: Svetlana-90@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00119 «Современные ракурсы этничности на Севере Евразии: текстово-визуальные композиции» (рук. А. В. Головинёв)

⁴ Ibid.

⁵ Leed E. The Mind of the Traveler. From Gilgamesh to Modern Tourism. New York, 1991. P. 17.

⁶ Ibid. P. 79.

⁷ Соловьев С. М. Сочинения. История России с древнейших времен. М., 1988. Т. 1. С. 709.

На окраине происходили долговременные контакты и взаимодействия между культурами и традициями. «В Евразии и России это пограничное пространство было не местом знакомства и противоборства разных цивилизаций, а ареной обновления прежних связей и перераспределения власти между стареющими и вновь прибывшими метрополиями».⁸

Одной из движущих сил российского пограничья было казачество. А. В. Головнёв отмечал его неоднородность: «Казачье сообщество лишь извне выглядело монолитным, а внутри представляло собой котел разных нравов, интересов, затей».⁹ По своей природе казачество ассоциировалось с пограничьем, походами, разбоями, волей атаманов. Оно формировалось из представителей различных народов: так, в состав терских и гребенских казаков, появившихся в конце XVI в., входили кабардинцы, чеченцы, кумыки, ногайцы, грузины, армяне, черкесы. «Находясь на пограничье, казаки во внешних действиях ориентировались на конфликты, вникая в противоречие и интриги соседних держав, принимая то одну позицию, то другую, то несколько кряду. Эта турбулентность обусловила своеобразную пограничную ментальность, в которой маневр преобладал над постоянством». Казаки на пограничье задавали мощный колониционный импульс: «...даже будучи изгоями и бунтарями, были по-своему порождением державы и сохраняли с нею связь. Парадокс состоял в том, что чем больше изгоев вытаскивало государство, тем шире становилось осваиваемое ими порубежье. Переходя границы, “лишние люди” открывали путь следовавшему за ними государству».¹⁰

В условиях российской колонизации на пересечениях традиций и культур формировались новые сообщества, которые впоследствии образовали отдельные народы со своей территорией, традициями, реалиями и мифами. В условиях «турбулентности» и динамики на южноуральской окраине на перекрестке пограничных и торговых путей менее 300 лет назад началась история нагайбаков.

Зарождение сообщества: кодайщылык калык (богом данный народ)

Появление нагайбаков связано с колониционной политикой Российской империи

1730–1740-х гг., когда в степном поясе Урала шло строительство Оренбургской оборонительной линии и одновременно, в 1735–1741 гг., подавление мятежа башкир. Механизм «острожной колонизации» предполагал укрепление достигнутых рубежей путем создания нового слоя «живой границы» в лице казаков.

По сообщению руководителя Оренбургской экспедиции, обер-секретаря Сената И. К. Кириллова, в 1730-х гг. на Южном Урале отсутствовали крепости и группы населения, которые могли бы стать военной опорой в губернии. Власти решили привлечь к этому пришлых ясачных новокрещенцов, которые не поддерживали башкирские восстания и были заинтересованы в избавлении от их угрозы. 11 февраля 1736 г. вышел указ за подписью императрицы Анны Иоанновны о том, что «уфимских новокрещенцов, за их верную службу, определить в службу казацкую... и ясак с них снять».¹¹

На месте, где происходили башкирские восстания под предводительством Кусюма и его сына Акая, в 1736 г. была основана Нагайбакская крепость. В нее собирали окрестных инородцев разного происхождения и после (при условии) крещения наделяли их казачьим статусом. В самом начале строительства крепости 261 новокрещен получил казачий статус.¹² В 1737 г. был учрежден штат, состоящий из атамана, 6 сотников, 6 писарей и 586 казаков.¹³ К окончанию строительства крепости количество казаков увеличилось до 1250 человек,¹⁴ а в 1760-х гг. их насчитывалось 1359¹⁵ (примерно столько же казачьего населения было в 1795 г.).¹⁶

В 1740-е гг. в Нагайбакской крепости учредили отделение Казанской новокрещенской конторы, которая могла беспрепятственно осуществлять массовые крещения среди инородцев. В состав крепости принимали как «магометан» (татар, башкир, тептярей, киргизов),

¹¹ Указ императрицы Анны Иоанновны Румянцеву и Кириллову // Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1735 и 1736 годы. Оренбург. 1900. Т. 2. С. 193.

¹² См.: Ден В. Э. Население России по пятой ревизии. М., 1902. С. 211.

¹³ См.: Стариков Ф. М. Откуда взялись казаки (исторический очерк). Оренбург, 1884. С. 177.

¹⁴ См.: Атнагулов И. Р. Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика. Магнитогорск, 2015. С. 39.

¹⁵ См.: Рычков П. И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. СПб., 1762. Ч. 2. С. 207.

¹⁶ См.: Исхаков Д. М. Татарская нация: история и современное развитие. Казань, 2004. С. 141, 142.

⁸ Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 532, 533.

⁹ Там же. С. 335.

¹⁰ Там же. С. 334, 335.

так и «идолопоклонников» (черемисов, мордву, чувашей). При этом одни вступали в казачество, другие оставались ясачными крестьянами.

Нагайбакская крепость постепенно становилась местом сбора и концентрации новокрещенов, где осуществлялся контроль за исполнением ими христианских обрядов и чиновничьих предписаний. В дальнейшем крепость принимала не только местных инородцев, но и бежавших из плена «азиатцев». В указе Государственной коллегии иностранных дел от 16 февраля 1752 г. говорилось, что неподданных Российской империи, бежавших из киргиз-кайсацкого плена, возвращать обратно, кроме тех, кто «пожелает воспринять святое крещение».¹⁷ К 1760 г. беглецов, «воспринявших крещение», было 68, в том числе персы, аравитяне, бухарцы и каракалпаки.¹⁸ Н. П. Рычков, путешествовавший через Уфимскую провинцию в 1769 г., назвал жителей крепости «собранием различных Азиатических народов».¹⁹

«Ирексезләү» — неугомонные (не по своей воле)

После Пугачевского восстания Нагайбакская и Бакалинская станицы утратили свое военно-стратегическое, религиозное и административное значение. Новокрещенская контора была закрыта, масштаб крещений среди инородцев существенно уменьшился.

Продолжение колонизационной политики Российской империи в начале XIX в. вызвало необходимость строительства новых казачьих укрепленных поселений на Уйской линии, проходившей от Орска до станицы Березовской.²⁰ Здесь располагались кочевья казахов, а формальным поводом для создания Новой линии были непрекращающиеся столкновения между кочевыми родами башкир и казахов. Согласно плану правительства, воинственные народы разделялись полосой в 120–150 верст, где должны были поселиться казаки.

Среди переселенцев были служилые из крепостей и станиц Оренбургской губернии, в том числе из Нагайбакской и Бакалинской станиц, с прилегающими к ним деревнями. В 1842 г. казаков Нагайбакской станицы (в количестве 250 человек) и Бакалинской станицы

(1531 человек)²¹ с семьями начали переселять в три района Оренбургской губернии.

Казаки отнеслись к идее переселения без энтузиазма: для них оно означало потерю связи с освоенной землей (родиной) и оставшимися на прежнем месте родственниками. На сегодняшний день существует не так много документальных свидетельств о переселении нагайбаков на Новую линию, однако в народной памяти хорошо сохранились эмоции от переезда: чувства потери, обреченности, нежелание покидать свои земли. По свидетельству Е. А. Бектеевой, «нагайбаки, в особенности женщины, сильно тосковали по прежней — богатой природой — родине: приходя с ведрами за водой, нагайбачки садились на берегу реки и горько плакали».²² Судя по всему, отрицательное отношение к переселению связано, в частности, с его подневольным характером.

Общие переживания и трудности обустройства на чужбине дополнительно сплотили переселенцев, получивших особое наименование — нагайбаки — по месту их прежней дислокации в Нагайбакской крепости. Правда переселение разделило их на три группы — южную (оренбургскую), северную (чебаркульскую) и центральную (собственно нагайбакскую). На новом месте нагайбаки построили станицы (поселки) и в качестве жалованья за казачью службу получили земельные наделы, постепенно превратившись из стражей границы в оседлых аграриев.

Этнографы и очевидцы позитивно оценивали контакты нагайбаков с соседними народами, в том числе с кочевыми киргиз-кайсаками. Так, Е. А. Бектеева пишет: «Кругом казаков кочевали киргизы, а угнать чужой табун считалось у них особым доказательством удалства. Впрочем, в отношениях нагайбаков с киргизами незаметно особенной вражды».²³ Священник Фершампенуазского прихода М. Софронов отметил: «Нагайбаки имели более или менее близкое знакомство с киргизами, так как свой домашний скот отдавали пасти киргизам, потому вступали с ними в частые сношения: ездили к ним смотреть свой скот, стричь овец или так себе — побывать. Киргизы потчевали их кумызом, иногда и кониной; конечно, и сами киргизы часто бывали у нагайбаков».²⁴

¹⁷ Рычков П. И. Указ. соч. Ч. 1. С. 192.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Рычков Н. П. Журнал или дневные записки капитана Рычкова по провинциям Российского государства, 1769 и 1760 году. СПб., 1770. С. 68.

²⁰ См.: Атнагулов И. Р. Указ. соч. С. 73.

²¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 15. Д. 1085. Л. 40б.

²² Бектеева Е. А. Нагайбаки (Крещенные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. СПб., 1902. Вып. 2. С. 179.

²³ Там же.

²⁴ Софронов М. Религиозное состояние нагайбаков прихода Фершампенуазского // Оренбург. епарх. ведомости. 1898. № 21 (неофиц.). С. 837.

Нагайбаки-мужчины, благодаря своей казачьей мобильности, активно общались с русскими и неплохо знали их язык.²⁵ Е. А. Бектеева отметила хорошие взаимоотношения между русскими и нагайбаками: «К русским казаки относятся с уважением, не считая однако себя ниже их»,²⁶ и народы «живут в согласии».²⁷ М. Софронов же описывает нагайбаков скорее как обособленную группу: «Мало имели сношений нагайбаки с русскими, а потому и не могли обрусеть».²⁸ Нагайбаки являлись закрытым сообществом: в его основе лежала отчужденность от других народов, которые, в свою очередь, воспринимали казаков-нагайбаков как «чужих». Находясь в окружении двух разных культур — русской и казахской, — нагайбаки сохраняли свою особость, что выражалось в замкнутости, в том числе в брачной эндогамии и опоре на родственно-соседские взаимодействия.

В 1870–1910-х гг. этничность нагайбаков подогревалась соперничеством за их религиозность между православными и мусульманскими миссионерами. Те и другие убеждали нагайбаков в их особости: православные просветители настаивали на их отличии от татар-мусульман (родственных по языку), а мусульманские — на их отличии от русских казаков (родственных по религии). Православные миссионеры испытывали сложности в работе с нагайбаками, поскольку до этого имели опыт работы с инородцами — ясачными крестьянами, а не служилыми казаками. Работа с центральной группой нагайбаков проходила по особой программе: ее лично контролировал казанский востоковед Н. И. Ильминский, известный особым подходом к привлечению инородцев к православной вере.

По словам современников, благодаря миссионерам, «нагайбаки (центральной группы — С. Б.) толпами идут в церковь, и прежняя, отображавшая скука на их лицах во время богослужения заменилась теперь слезой умиления».²⁹ Священники, в свою очередь, не только приобщали нагайбаков к вере, но и подчеркивали своеобразие их культуры, ее независимость от татарской. Нагайбаки южной группы испытывали влияние со стороны

как православных, так и мусульманских миссионеров. В риторике православных священнослужителей речь шла об отколе нагайбаков от христианства. Однако известно, что часть предков нагайбаков до своего крещения исповедовала мусульманскую веру, поэтому для них обращение в ислам было возвращением к прежней религии. Православным миссионерам так и не удалось «спасти» южных нагайбаков от магометанского влияния: все поселки южной группы перешли в ислам.

Влияние внешних факторов по-разному сказалось на облике трех групп: южная сменила не только религиозное самосознание, но и этническую идентичность — сегодня потомки оренбургских и орских нагайбаков считают себя татарами-мусульманами; центральная и северная группы сохранили приверженность к православию (за исключением отдельных селений, например Требии). К началу XX в. именно у нагайбаков центральной группы оформилось осознание себя отдельной общностью со своими традициями, ритуалами, религией, фольклором, легендами о происхождении, историями о ратных казачьих подвигах.³⁰

К началу XX в. у нагайбаков оформились границы этничности в виде триады признаков — православие, язык, казачество. Именно триединство этих маркеров этничности препятствовало слиянию нагайбаков с другими этническими группами: по вере они не могли сблизиться с мусульманскими народами; тюркский язык был препятствием для их слияния с соседним русским казачьим населением; социальный статус служилых казаков отделял их от крестьян-кряшен.

В революционных событиях 1917 г. нагайбаки не представляли ни одну из враждующих сторон. По словам современников, новости о революции до них дошли значительно позднее. Драматичные события происходили на Южном Урале в годы Гражданской войны. Остроленские и кассельские нагайбаки рассказывают о поддержке белого движения. Многие казаки погибли в ходе военных действий, часть вслед за Дутовым ушла в Китай. Парижские нагайбаки воевали на обеих сторонах, но в итоге поддержали красных. Сегодняшним брендом села Париж является история об организации там штаба В. К. Блюхера.

²⁵ См.: Небольсин П. И. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестн. ИРГО. 1852. Отд. 5. Ч. 4, кн. 1. С. 22.

²⁶ Бектеева Е. А. Указ. соч. С. 180.

²⁷ Там же. С. 166.

²⁸ Софронов М. Указ. соч. С. 837.

²⁹ Бектеева Е. А. Указ. соч. С. 178.

³⁰ См.: Белоруссова С. Ю. Нагайбаки на перекрестке православных и мусульманских миссий // Религиоведение. 2016. № 3. С. 50.

С 1930-х гг. у нагайбаков произошел поворот в этничности: после переписи 1939 г. их перестали считать отдельным народом и причислили к татарам. Репрессии советского времени были направлены против всех основ этничности нагайбаков — православия (атеистическая пропаганда), казачьего статуса (политика расказачивания) и нагайбакского говора (его замена татарским языком в практике обучения и официального общения).

Тогда же из реестра народов в переписях и документах (в свидетельствах о рождении и паспортах) исключили национальность «нагайбак», в результате чего народ формально прекратил свое существование. Кроме того, вместо распространенного в прошлом позитивного образа отважного казака-нагайбака в информационный оборот была запущена уничижительная версия о принудительном крещении («насиленно крестили в вонючем болоте»). В советское время быть нагайбаком было неудобно и нестатусно, а формально — просто невозможно. Поэтому часть приняла татарскую идентичность, часть — русскую, а часть — нейтральную советскую. В сегодняшних воспоминаниях жителей советский нагайбак — это труженик колхозов и совхозов, активный участник самодеятельных организаций. Казачья (боевая) идентичность выразилась в особом почитании нагайбаков — участников Великой Отечественной и афганской войн. При этом нагайбаки сохраняли свои ритуалы поминального характера, в том числе обряд *Аш бирәу*, родительские дни, Троицу.³¹ Тем не менее, в течение жизни двух поколений (1940–1980-е гг.) этничность нагайбаков пребывала в латентном состоянии, характеризуюсь закрытостью и интровертностью.³²

«*Үз сүзендә торган кешеләр*» —
непримиримый народ

Этнический «реванш» нагайбаков пришелся на постсоветский кризис. В их движении сошлись векторы религиозного, казачьего и этнокультурного возрождения. Кроме того, в этнической мобилизации яркую роль сыграл лидер нагайбаков Алексей Маметьев, оказавшийся обладателем оптимального набора качеств, нужных в тот момент для решительного этнического самоопределения нагайбаков.

³¹ У нагайбаков родительские дни и Троица считаются поминальными и сопровождаются посещением кладбища и трапезой в честь усопших.

³² См.: Головнёв А. В. Уральские этнодиалоги // Урал. ист. вестн. 2013. № 2 (39). С. 8.

Первым успешным проектом А. Маметьева стало открытие музея в селе Фершампенуаз в 1985 г., что стало стартовой точкой возрождения нагайбакской этничности. Впоследствии его деятельность послужила импульсом к активизации культурной жизни народа. Музеи открылись в с. Париже, п. Остроленском и п. Кассельском. В экспозициях главный акцент делался на предметах нагайбакской культуры. При этом самым важным проектом для нагайбаков стало приобретение ими статуса отдельного народа: в июне 1993 г. Верховный Совет Российской Федерации принял закон «Основы законодательства РФ о правовом статусе коренных малочисленных народов», в перечне которых значились и нагайбаки.³³

Сегодня этничность нагайбаков поддерживается благодаря осуществлению этнопроектов — созданию и функционированию музеев, фольклорных коллективов, организации фестивалей, конференций, языковых факультетов. Последние несколько лет нагайбаки участвуют в религиозных проектах — восстановлении и строительстве православных церквей в своих селениях. Согласно недавнему анкетированию, собственная этническая идентичность вызывает у большинства нагайбаков чувство гордости.

Двойственность пограничья

Состояние пограничья, которое сопровождало этническую историю нагайбаков, выработало у них качество двойственности, легшее в основу их самосознания и культуры.

Мобильность–оседлость. На сегодняшний день нагайбаки представляют собой классическое оседлое сообщество с ценностями «родины» и «домашнего уюта». Согласно анкетированию, своими главными положительными этническими чертами они считают «трудолюбие», «гостеприимство», «чистоплотность». Под трудолюбием они понимают «умение построить дом», «следить за домашним хозяйством»; под гостеприимством — способность грамотно встречать, угощать и развлекать гостей в своем доме; под чистоплотностью — «умение содержать свой дом в порядке». По поводу этих положительных характеристик у нагайбаков существует немало ритуалов и обычаев («помощь» в постройке дома, традиция песен и частушек при встрече гостей и др.). Для

³³ См.: Белоруссова С. Ю. А. М. Маметьев в этноистории нагайбаков // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск, 2015. С. 365–368.

демонстрации различия культур соседних народов — казахов (кочевников) и нагайбаков (оседлых) — приведем пословицу: «Нагайбак разбогатеет — дом построит, казах разбогатеет — коня купит».

Однако многие нагайбаки считают, что изначально принадлежали к мобильному обществу, поскольку некоторые поселенцы Нагайбакской крепости были выходцами из среды степных кочевников. По словам жителя п. Остроленского Н. Васильева, старые жители называли себя «степняками», а в старинных песнях поется о том, что нагайбаки «ставили белые юрты». ³⁴ Некоторые иллюстрируют свой «кочевой дух» любовью к лошадям: среди нагайбаков немало тех, кто занимается коневодством, а также участвует в скачках.

Нагайбаки гордятся мобильностью своих предков и их готовностью к действию: «Войны нет — пашут, сеют, детей рожают, занимаются спокойным делом; как гудок — сел на коня, пашка готова и полетел». ³⁵ Не исключено, что нагайбаки, благодаря своему пограничному состоянию, сумели объединить качества локальности и магистральности как характерные черты этничности. ³⁶

Открытость—закрытость. Этничность нагайбаков сложилась из элементов разных культур, и сегодня потомки жителей Нагайбакской крепости открыты новшествам. К примеру, свою природную мобильность нагайбаки реализуют через такие неординарные проекты, как «Из Парижа в Париж: путешествие по дорогам предков», когда в рамках празднования 200-летия Отечественной войны 1812 г. нагайбаки отправились в европейские города, в честь которых были названы их селения, — в Париж, Фер-Шампенуаз и Кассель. Поездка нагайбаков в какой-то мере напоминала паломничество, поскольку они посетили места военной славы своих далеких предков-казаков.

Нагайбаки активно проявляют себя в киберкультуре, ориентированы на фестивальное движение и этнотуризм. Они с воодушевлением встречают тех, кто интересуется их культурой: снимаются в фильмах, посвященных их традициям, помогают ученым-этнографам в изучении своей этничности и истории. Активисты презентуют свою культуру на кон-

курсах и фестивалях, главным образом через фольклор, одежду, язык, пищу.

В то же время нагайбаки консервативны в отношении родства: любая трансформация старинных обычаев и ритуалов воспринимается как подрыв устоев предков. К примеру, они не раз отказывали репортерам в съемках традиционного поминального обряда *Аш бирэу*, объясняя это «святостью» и возможностью участвовать в нем только «близким родным». В этом отношении нагайбаки остаются закрытым народом: единственным условием вхождения в их группу является наличие родственных связей.

Дружественность—соперничество. У нагайбаков оформились собственные «дипломатические» стратегии во взаимодействиях с соседними этносами. С одной стороны, нагайбаки отмечают близость с другими народами: согласно их представлениям, они связаны родством с ногайцами, арабами, турками, гагаузами и др. Нагайбаки рассказывали об ощущении родства по языку с татарами или башкирами (если они находятся в ином, чаще всего русскоязычном, окружении), или о близости по религии с русскими (к примеру, если они в окружении мусульман). Родственная связь нагайбаков с другими народами часто «обнаруживается» во время поисков истоков собственной этничности. Такое родство условно и зависит от конкретной ситуации и контекста.

С другой стороны, нагайбаки к соседним народам относятся как к конкурентам, часто воспринимая их своими соперниками. Некоторые русские и татары рассказывали о сложностях проживания в нагайбакских селениях. Обычно люди не могут примириться с «нагайбакской завистью», «закрытостью» и «нежеланием пропускать чужих». По словам нагайбаков, пришлый человек сразу воспринимается как соперник: «Нагайбаки, особенно в Остроленке, не любят бедных людей: если он тихий и спокойный, то он придурок, если он хваткий — это зверь». Директор школы остроленец Егор Исупов отметил особый «нагайбакский национализм»: «Русские воспринимаются как сказочный Иван — добрый, открытый, простой. Нагайбакская народность более хитрая, скрытная; на нагайбакской территории русские достаточно слабо конкурируют с нагайбаками. Русские воспринимаются как люди, за счет которых можно пожить, использовать». ³⁷

³⁴ Полевые материалы автора (далее — ПМА), п. Остроленский, ноябрь, 2015.

³⁵ ПМА, Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, август, 2012.

³⁶ См.: Головнёв А. В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // Этногр. обозрение. 2012. № 2. С. 11, 12.

³⁷ ПМА, п. Остроленский, август, 2012.

В то же время нагайбаки подчеркивают свою дипломатичность в общении с соседними народами. По их мнению, за годы совместного проживания они научились взаимодействовать и с русскими, и с казаками, и с татарами, и с башкирами, и с калмыками. Наталья Юскина сообщила: «У нас нет неприязни к другим народам, мы одинаково любим русских, одинаково любим казахов, татар; если бы все народы на свете были такие, как нагайбаки, то никаких войн бы не было».³⁸ Прожившая большую часть жизни среди нагайбаков, русская по национальности Раиса Сидорина сумела взглянуть на их культуру со стороны: «Чтобы жить на границе, нужно быть очень мудрым, и я считаю, что нагайбаки очень мудрые. Они могут взаимодействовать с казаками, башкирами, русскими, при этом быть закрытым сообществом. У них нормальные толерантные отношения со всеми, потому что граница другого не предполагает».³⁹

* * *

Этничность нагайбаков формировалась благодаря внешнему воздействию: изначально их «образовало» царское правительство, создав Нагайбакскую крепость с определенными условиями проживания в ней. Впоследствии руководство Оренбургской губернии трансформировало самосознание казачьей группы через переселение их на Новую линию. Конкуренция православных и мусульманских мис-

сионеров в конце XIX — начале XX в. усилила различия трех нагайбакских групп. Советская власть сделала попытку замены этничности с нагайбакской на татарскую. Благодаря мотивации А. Маметьева, с 1980-х гг. нагайбаки впервые самостоятельно мобилизовали и активировали свою этничность.

Изоляция после переселения, принадлежность к военному сословию, соседство с народами разных традиций и верований помогли нагайбакам стать «людьми границы». Полиэтническая зона сформировала нагайбакский народ, который оказался адаптивным к разного рода изменениям. В силу пограничного состояния культуры в разные периоды истории нагайбаки «включали» то открытость, то закрытость, то их различные сочетания. Акцент на закрытости («интровертность») дал им возможность сохранить свою культуру в советское время. В постсоветский период, напротив, они мобилизовали свою этничность через открытость («экстравертность»). Динамизм в этничности обусловил переход нагайбаков от пространственной мобильности в прошлом к этнической активизации в настоящем. Находясь на перекрестке разных типов культур — кочевой и оседлой, христианской и мусульманской, европейской и азиатской, — нагайбакская культура стала восприимчивой и адаптивной, а кочевое и пограничное казачье социокультурное наследие послужило основанием мобильности и маневренности в действиях нагайбаков.

Svetlana Yu. Belorussova

Candidate of Historical Sciences, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: Svetlana-90@yandex.ru

THE NEAR-BORDER FACTORS IN THE ETHNIC HISTORY AND CULTURE OF THE NAGAIBACKS

The new communities which evolved under the conditions of the Russian colonization at the cross-sections of traditions and cultures later developed into separate ethnic groups with their own territory, traditions, realities and mythology. In the second half of the 18th century the Nagaiback fortress (the Orenburg province) played the role of an assembly point and a place for receiving baptism for the non-Russians (the Tatar, the Nogai, the Bashkir, the Cheremis) and the foreigners — the escaped captives (the Arabs, the Turks, and the Persians), who were accepted as settlers or joined the Cossack teams acting as border guards at the steppe borders of the Russian Empire. As a result of their opposing the Bashkirs the newly baptized Cossacks of the Nagaiback fortress stuck together as a military brotherhood, which later formed the core of the Nagaiback community. The community evolved under the influence of the colonization policy of the state in the Orenburg province. The poly-ethnic zone affected the formation of the Nagaiback ethnic community, which easily adapted to various changes. Life in the near-border area throughout the whole period of the ethnic history of

³⁸ ПМА, п. Остроленский, август, 2015.

³⁹ ПМА, с. Фершампенуаз, июнь, 2014.

the Nagaibacks resulted in the formation of a certain ambivalence in their ethnicity (mobility–settled life, openness–closeness, tradition–innovation, friendliness–rivalry). During different periods of their history the Nagaibacks “turned on” these characteristics either individually, or in various combinations. The emphasis on closeness (the “introversive attitude”) gave them a chance to preserve their culture during the Soviet period. In the post-Soviet period they, on the contrary, mobilized their ethnicity via openness (the “extravert attitude”). The ethnic dynamism predetermined the Nagaibacks’ transition from spatial mobility in the past to ethnic activation in modern times. Caught at a cross-road between different traditions – the nomadic and the settled, the Christian and the Islamic, the European and the Asian, the Nagaiback culture became perceptive and adaptive, while the nomadic and the near-border Cossack socio-cultural heritage served as a foundation for the mobility and flexibility in the Nagaibacks’ actions.

Keywords: *borderland, outskirts, Nagaibacks, Nagaiback fortress, ethnicity, mobility, sedentary, Cossacks, Orthodoxy, tradition, innovation*

REFERENCES

- Atnagulov I. R. *Identichnosti nagaybakov: genezis, struktura, dinamika* [Identity of the Nagaibaks: genesis, structure, dynamics]. Magnitogorsk: “Magnitogorskiy dom pečati” Publ., 2015, 380 p. (in Russ.).
- Barth F. Introduction. *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Bergen: Universitetsforlaget; London: Allen & Unwin, 1969, pp. 9–38. (in English).
- Belorussova S. Yu. [A. M. Mametyev in the ethnic history of the Nagaibaks]. *Etnicheskiye vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Materialy VI Vserossiyskoy nauch. konf.* [Ethnic interactions in the Southern Urals. Proceedings of the 6th All-Russian scien. conf.]. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gos. krayevedcheskiy muzey Publ., 2015, pp. 365–368. (in Russ.).
- Belorussova S. Yu. [Nagaybaki at the crossroads of the Orthodox and Muslim missions]. *Religiovedenie* [Study of Religion], 2016, no. 3, pp. 43–53. (in Russ.).
- Golovnev A. V. [Ethnicity: sustainability and changeability (the case of the North)]. *Etnograficheskoe Obozrenie* [Ethnographic Review], 2012, no. 2, pp. 3–12. (in Russ.).
- Golovnev A. V. [Ural ethno-dialogues]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2013, no. 2 (39), pp. 4–15. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Fenomen kolonizatsii* [Phenomenon of colonization]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2015, 592 p. (in Russ.).
- Iskhakov D. *Tatarskaya natsiya: istoriya i sovremennoye razvitiye* [The Tatarian nation: history and modern development]. Kazan: Magarif Publ., 2004, 287 p. (in Russ.).
- Leed E. *The Mind of the Traveler. From Gilgamesh to Modern Tourism*. New York: Basic Books, 1991, 328 p. (in English).
- Soloviev S. M. *Sochineniya. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [Works. The history of Russia since ancient times]. Moscow: Mysl' Publ., 1988, vol. 1, 800 p. (in Russ.).